

Глухов Александр
Сергеевич

ТЕРРА
ПОЛИТИКАНА

16+

Александр Сергеевич Глухов

Терра политикана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67723152

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказы о жизни деревни середины прошлого века. Вместе с героями мы видим как жила страна в то время.

Александр Глухов

Терра политикана

Не знаю, как назовут впоследствии путинское правление. Вероятнее всего – вторым застоём, по аналогии с временами добродушного властителя, в меру недалекого, в меру порядочного Леонида Брежнева. Хотя, положив руку на сердце, тот застой был уж очень относительным, а жизнь обычных людей, с 1964 по 1982 годы поменялась кардинально. По-настоящему массовое строительство жилья при шло на брежневскую эпоху, хотя затеяно его предшественником, эксцентричным лысыком Никитой Хрущёвым, или, как чаще его именовали в народе – Хрущом. Колхозы уступили место совхозам, что, по правде говоря, не лучшим образом сказалось на сельском хозяйстве и породило прослойку деревенских лодырей – полутунеядцев, но в целом и город и село стали жить гораздо вольготнее. Любые потуги пропагандистов, козырными валетами воспевающие нулевые, десятые и двадцатые годы 21 века, безжалостно бьются козырными тузами бесплатного жилья, козырными королями бесплатного образования (даже со стипендией в вузах и техникумах) и козырными дамами бесплатной медицины, брежневского правления. Из этих слов не стоит делать вывод о моём почтении к второильичевской эпохе и к самому грузному генеральному политикану, а он им являлся без всякого сомнения.

История России, а также мировая пестрит политиками. Настоящих политиков можно перечислить по пальцам. Кстати, впервые такое слово я услышал по радио в шестидесятые годы 20 века и пристал к отцу, требуя объяснить, что оно означает. Мы с братом пилили дрова для отцовской тётки в доме напротив, а он с удовольствием выпивал четвертинку и покрикивал на нас, подгоняя. Нам, справедливости ради надо сказать, тоже предназначался гонорар в тридцать копеек, что равнялась бутылке дорогого лимонада, но, лишь после выполнения работы. Батя от моей назойливости отмахнулся, зато его тётка, которой я доводился внучатым племянником, просто и доходчиво растолковала:

– Видишь за забором у Королёвых канов и канок (так у нас называли индюков и индеек), вот они и есть такие же сопливые каны, только-политические.

Я понят, но уточнил на всякий случай:

– Сопливые, потому что молодые ещё?

– Нет, они от злости сопливые...

В реальности, родня моя, в большинстве, отличалась темнотой и дремучестью. У моей бабушки, доброй, но слегка эмоциональной и вздорной, имелись три брата и две сестры. Старший – Михаил

1900 года рождения, умудрился избежать по крайней мере двух войн бурного 20 века – Гражданской и Великой отечественной. В 1918 и двух последующих годах, он прятался от призыва по лесным оврагам, а уклониться от битвы с

Гитлером ему помог двоюродный брат – начальник уездной милиции. Сама бабушка родилась вторым ребёнком в 10901 году. Сёстры, появившиеся на свет в 10908 и 1910 годах, называли её няней. Следующий за бабушкой по возрасту брат Иван, долгое время жил с женой и многочисленными детьми в глубине леса, подальше от человеческого общества и властей. По своей одноглазости, ему также удалось увильнуть от грандиозных военных сражений. Младшему из братьев – Павлу Романовичу повоевать довелось, но, крайне удачно, как и его отцу. Оба они (правда в разное время и разных войнах, один в Первую, а сын во Вторую Мировую) прижились на складах города Тамбова, отчего числятся участниками боевых действий...

Повезло, что ещё можно сказать, хотя контузию Павел получил, от налёта вражеской авиации в госпитале побывал, рассказывая нам впоследствии об ужасах больничных палат образца 1941 года. К нему относились с почтением целых три поколения родственников – как ни как он был женат на городской и давно перебрался в Егорьевск. Его суждения считались непререкаемой истиной в последней инстанции и только жена, в разгар застольных разглагольствований, презрительно кривила губки, опуская супруга с небес:

– Паша ты сазоновский. Помолчи уж.

Сама она, впрочем, являлась особой тёмной, но ужасно гордилась городским происхождением...

Прошу меня заранее извинить за стиль и привычку сходу

переключаться с темы на тему. У меня не хватает терпения долго мусолить и пережевывать нудные подробности прямого сюжета. Может быть я не совсем прав, но имею привычку вкраплять попутные сведения.

Павел Романович, которого мы, внучатые племянники, называли дядя Паша, всю жизнь гордился тем, что был высечен барином, по фамилии Эман, за ловлю карасей корзинкой, в барском пруду. Предводитель губернского дворянства (Рязанской губернии) порол десятилетнего пацана с назиданием, чем внушил большое почтение к себе. Дядя Паша нам рассказывал, что он, под воздействием революционной пропаганды, долгое время верил, будто революция произошла из-за его угнетения ивовыми прутьями.

Поколение бабушки прожило удивительно долгую жизнь, значительно превзойдя своих детей. Правда старший Михаил и младшая Надежда, едва дотянули до восьмидесяти лет, зато остальные четверо, включая бабушку, разгулялись по жизни во всю мощь, перевалив на десятый десяток. Кривой Иван скончался, едва не дотянув до сотни лет...

До сих пор надеюсь на появление писателя, способного отразить советский период, с интригами и нюансами. Подавляющая масса того, что есть, это штрихи, бульварное чтиво, мелкотемье и выдумки. Я, конечно, говорю о верховной власти, паучьих схватках между политиками, подковой борьбе, а, также, истинных причинах тех, либо иных решений. Да, кое-что есть у Солженицина, но именно кое-что.

Здорово у Пикуля в «Нечистой силе» и «Фаворите» показаны времена последнего царя – Николая и его прапрабабки Екатерины второй. Алексей Толстой написал мощный роман «Пётр I», но сделал это скорее из лизоблюдских соображений, в угоду Сталину. А сколько угоднических сочинений написаны за века – не пересчитать.

Политиканство и карьеризм, как близнецы братья, типа воровства и кражи. Любой карьерист – политикан, а любой политикан – карьерист. Меняется всё – своды государственных законов, моральные принципы и далеко не всегда по естественным причинам. Вдруг, на ровном месте, начинают меняться концепции и установки. Вот тут, к гадалке не ходи: авантюристы от политики затевают мутные делишки, ради каких-либо собственных интересов.

Я не поклонник конспирологических теорий, но некое зерно истины в них присутствует. В 2020 году, на стыке десятилетий, забурлила Америка. Негритянские протесты захлестнули, без малого, все штаты. Полетели на землю свергнутые с пьедесталов памятники Колумбу и президентам США первой половины 19 века. Полицию (!) ставили на колени и заставляли каяться в расистском прошлом, да разве только полицию. В самом конце президентского срока Дональда Трампа, произошло событие тектонического масштаба – информационные гиганты Твиттер, Фейсбук и прочие заблокировали доступ президенту самой мощной страны капиталистического мира. Масштаб события оцени-

ли немногие, большинство лишь удивленно похлопало глазами. Трамп, явно выигрывая выборы, с помощью серии манипуляций и трюков, был признан проигравшим и не занял овальный кабинет на второй срок. У руля страны оказались две старые развалины – президент Джо Байден 79-ти лет, спикер, восьмидесятилетняя Нэнси Пелоси (особа, с признаками деменции) и, негритяно-индийская вице-президентша с весьма сомнительной репутацией, которая во время церемонии присяги, упивалась от счастья проникновения во власть.

Ох, как дурно пахнет политика! С незапамятных времён, ещё египетские фараоны вымарывали из истории имена неудобных предшественников, приписывая их деяния себе. Ассирийские правители демонстрировали образцы зверства и подлости. История Финикии и её побочной ветви -Карфагена изобилует предательством, вероломством, чванством, двуличием и прочим гадством. Востоку вообще свойственно коварство. За примерами далеко ходить не надо: Персия, Турция, Арабский халифат...

Да только ли Восток! Колыбель Европейской цивилизации – Средиземноморье, демократии Греции и Рима не избежали общемировых язв политики. У великих и непогрешимых: Солона, Перикла, Цезаря, Октавиана, как ни крути, а рыльце в пуху. Что уж об остальных говорить! Одно только перечисление мировых деяний и злодеяний займёт сотни страниц (это без описания, только перечисление). По моему

мнению, требуются целые века, для создания книг о жизни и политике, написанные на мировом уровне. Очень странно, что в погоне за гонорарами (смехотворными, по большому счёту) и цацками (медальками и лауреатскими значками), писатели утратили великие цели.

Впрочем, что лукавить, коснулась гнилая тенденция не только литературы, а искусства в широком диапазоне. Давно уж не встречаются художники масштаба Леонардо, Рафаэля, Джорджоне, Тициана, Веласкеса, Рубенса и Рембрандта. Честно говоря, никто и не надеется на появление подобных титанов. Обмельчало человечество? Нет, другое – во всех сферах политиканство. Примеры? Да сколько угодно. Возьмём эстраду. Певцов не встретишь, одни безголосые кривляки, да «поющие трусы». Где музыка, где стихи? Дожили до того, что Ларису Рубальскую поэтом, да не простой поэтессой, а выдающейся. Ну да, на тухлой помойке и вчерашний хлеб – деликатес. Разве пропустят так называемые эстрадные композиторы, перекрывшие кислород талантам и замешав всё на финансах, кого-либо из способных сочинителей музыки в свой сарай искусства? Разумеется – нет.

Почему так измельчал некогда искромётный юмор КВН? Каждая команда угодливо славит «вождей» губернского и уездного уровней – тщеславных упырей (зачем нормальному человеку собственное восхваление?). Что у нас в стране и высмеять некого, кроме простонародья? Факты вопиют, да разве можно поднять голос на олигархов-миллиардеров,

давно утративших чувство реальности, или на чиновников, правоохранителей (которые неведомо чьи права охраняют), судей и далее по списку.

Народ, замордованный системой, молчит, но молчит с угрюмой свирепостью. Даже власть, давно утерявшая чувство реальности, в последний год (2020) начала что-то понимать. В самом конце 2019 года, тогда ещё правительство Медведева, задумало очередной раз обобрать автовладельцев. Стоимость медицинских справок вдруг взлетела до небес. Начались давки и километровые очереди в поликлиники. Запахло бунтом. Президент, прокатившийся на электричке в компании главы РЖД, губернатора Подмосковья и ещё некоторых лиц (они открывали новую ветку), заявил, что это безобразие, что о людях необходимо думать, а не создавать им лишние проблемы, а он, дескать, сам был не в курсе (кто ему поверит?) и узнал о проблемах из СМИ. Абсолютно такой же кульбит в конце февраля 2021 года. На сей раз речь идёт о техосмотре. МВД и страховые компании перетягивают друг у друга одеяло на себя. Угодливая политическая статистика с поклоном преподносит заказанные цифры, причём, какие угодно и отличатся они будут в разы, хотя речь идёт об одном и том же, в данном случае об авариях, число которых, якобы выросло в шесть раз. За какой период не говорится и, как этот факт связывается, в какой из вороватых контор проводить техосмотр – непонятно. Чухнулись в последний момент: оказалось, что МВД технически не го-

тово принять такой наплыв автомобилей. Ай молодцы! Ай сукины дети! И понять их легко: зачем готовиться, тратить нервы, коли на кону такие деньжищи стоят?

Высшая власть, надо отдать ей должное, сообразила. Только-только уладили бунты по ничтожному поводу задержания Навального. А тут может рвануть покруче. Оппозиция режиму – всеобщая, но власть умело дробит протесты по секторам, плодит мелкие, бессмысленные партии, типа партии обманутых дольщиков, или любителей пива, пенсионеров, а то – пяти-шести разновидностей коммунистов... Для державного уха такой разнобой – сладостная мелодия. Но страшным сном видится объединение протестов. Нет пока лидера (и слава богу!), подобного Савонароле. Чем, казалось бы, не устраивало семейство Медичи флорентийцев? Весь славный период Кватроченто, с его весёлым, озорным и великим искусством, они вытащили на своих плечах и подготовили Высокое Возрождение. Да, не без перегибов и злоупотреблений, совершенно рядовых, по тогдашнему времени, совершенно несопоставимых с нынешним властным беспределом. Однако, в любом обществе накапливается усталость и раздражение чьим-то длительным правлением. Джироламо Савонарола долго обличал, а потом возмутил Флоренцию конца 15 века (как раз совпало с открытием Америки), но как истинный разрушитель, довел республику до состояния ненависти к себе, и был казнён мучительным способом (сожжен).

А теперь представьте: объединяются пенсионеры, автомобилисты, шахтёры, учителя, медики и прочие недовольные (их более 80%). Что тогда? Одна бессовестная пенсионная реформа затронула десятки миллионов. Тут четко выверенный удар – уверенность, что более старшие пенсионеры, их миллионов 30, успевшие отправиться на заслуженный отдых на пять лет раньше, чем нынешние, не поддержат протест остальных (мол удалось избежать пяти лет лишнего труда и тем счастливых).

Элита хвостик слегка поджала в преддверии выборов, рассчитывая его распушить вновь, когда победит их чиновничья партия. 11 февраля 2021 года президент, на совещании, выразил озабоченность: обычные граждане вложили 10 триллионов рублей (ох, не слабая сумма) в ценные бумаги. Его опасения понятны: их обманут в любом случае, а тогда неизбежен взрыв, который власти совсем не нужен, тем более – сейчас. Наверняка станут перестраховываться, но механизм обмана уже запущен...

Власть выпестовала шакалью породу, уверенную, что деньги решают всё. Не сосчитать угробленных (в прямом смысле) одиноких пенсионеров, имевших квартиры в престижных районах. Тут главную скрипку играет МВД (фактов – немеряно), а на подхвате риелторские и нотариальные конторы. Начинали с участковых, а потом и генералы оказались замешаны.

У потомков Валерия Чкалова, одна из мошеннических

структур, пытается отнять землю и дачу, предоставленные ещё советским правительством в 1939 году, в вечное пользование. Некая частная контора, неизвестным образом (догадайтесь) стала владельцем этого земельного участка в Москве, площадью 1 га с домом-музеем великого лётчика. Вывод один: в руководящих структурах подобралась сплошная недолюдогниль.

На недавней встрече президента с лидерами думских фракций, озвучили достойную внимания информацию: в пандемическом 2020 году, когда экономики всех стран, кроме Китая, просели, в России уровень доходов населения упал на семь процентов, но уровень дохода государства вырос на 10%, а российские госкорпорации умудрились получить прибыль, более чем тридцатипроцентную. Первое, что приходит на ум: обобрали народ и маленько поделились с рекетирствующим государством...

Как маниакально стремится президентский приятель Греф, всего-то глава Сбербанка, подмять под себя все, до чего дотягиваются руки, в том числе – образование. О нём можно сказать лишь то, что явно не умён. Послушав его речи, стоит предположить о его характере вежливого и недалёкого гопника. Образовательная цель – на поверхности: выпустить максимальное количество дебилов и манипулировать ими, преследуя политические и экономические цели. Идея – верх наивности: дебилы эти тебя же и сметут вместе с системой.

Это мне напоминает историю, рассказанную моим приятелем – Аркадием из подмосковной Балашихи. Он любитель физкультуры и спорта. Сам занимался и, довольно успешно выступая на соревнованиях, от спринта до тяжелой атлетики, на любительском, конечно, уровне, но нормы второго разряда имел в пяти дисциплинах. В армии, конкретно в его части, Аркадия долго поражала одна непонятная вещь, или явление: в субботу, очередь на турник составляла человек 50-70, а в иные субботы и целая сотня. Что, характерно, в другие дни недели, именно к этому турниру, не подходил никто. Загадка раскрылась спустя четыре месяца: по субботам проводилась женская баня, окна которой были закрашены более чем на две трети и лишь полоска сантиметров 40 шириной, в самом верху, позволяла лицезреть вожаделенное для солдат нагое женское тело. Если подтянуться – вид открывался во всей красе. Когда турнировая толпа превысила полторы сотни военнослужащих, командование чухнулось и эротический театр прикрыли.

Россия, робко и с оглядкой, начала вновь демонстрировать мускулы супостатам. По ТВ показали целую линейку беспилотников разного назначения отечественного производства, а компанию Твиттер оштрафовали на 5 миллионов рублей, сумму смехотворную, но при повторных нарушениях, пригрозили увеличить штраф в семьдесят тысяч раз, прекратив при этом деятельность компании на территории страны...

Самый конец февраля и начало марта 2021 г. Армению будоражат очередные бунты и протесты, которые, к сожалению, происходят там регулярно. На сей раз страна разделилась на противников и сторонников премьера Никала Пашиняна. Подзуживал, подзуживал народ, захватил власть, привёл страну к поражению в военном конфликте, а теперь судорожно цепляется за своё кресло...

Ещё можно понять власть, заботящуюся, хотя бы нехотя, о людях, а не только о себе любимых. В древности это Перикл, ряд римских императоров, а в мире современном – руководство Китая. Это же настоящий подвиг: более 700 миллионов человек выведены из состояния вечной нужды – достойный пример для подражания. А вот пример обратный: Горбачев с Ельциным загнали в нужду многомиллионное население СССР и России. По случаю их девяностолетия (у Ельцина 1 февраля, у Горбачева 2 марта) им посвятили хвалебные передачи, обозвали выдающимися государственными деятелями (!) и взахлёб славословили. Дожили! Если и есть какое-то количество людей в стране, относящихся к этим выродкам с пиететом, то оно – минимально. Подавляющая часть народа до сих пор их ненавидит, а, так называемые соратники, относятся с брезгливым презрением. Неужели кто-то всерьёз поверит, что Чубайс относился к своему «боссу» с уважением, или пиететом? Зачем тогда неприкрытая лесть? Солломки подкладывают. Страна устала от долгого и бессмысленно-тупикового правления Путина, с точки зрения обыч-

ных людей – бесперспективного, а тут прецедент – даже откровенных демагогов не осуждать, как-никак, бывшие президенты. Посыл народу: не следует осуждать бывших негодяев во власти. Что, теперь уже за любую черную подлость приветствовать аплодисментами? Вспоминается конец 1994 года. Штурм Грозного. Первая Чеченская война. Хвастливый придурок, министр обороны Грачёв, во всеуслышанье заявил, что возьмёт столицу Чечни одним десантным полком за два часа. Его замы, решив выслужиться, бросили Майкопскую бригаду на захват Грозненского вокзала. Подоплека дела, в подарок на день рождения министру обороны. Ему хотели преподнести на 1 января поверженный к ногам город. Итог страшен: Бригада погибла, техника сожжена, полная неразбериха с помощью, откровенное предательство командования и высших чиновников... Никто не понёс реальной ответственности. Только ленивый не писал о том, как наживался генералитет и правительственные крысы...

В школьную программу надо вводить такие знания. Когда преступно скрываются политиканские провалы, они неизбежно повторятся в будущем, но более страшном виде.

Власть старательно прикармливает лизоблюдов. Почитайте наши боевики о девяностых и нулевых годах. Там герои-одиночки побеждают и своих, и чужих супостатов, замусоля сюжет до тошноты примитивизма. Ещё Сталин, заботясь о пропаганде и прославлении своего курса, создал когорты и легионы писательской братии. Многие из них бы-

ли наделены талантом и оставили после себя книги вполне достойные, пережившие авторов. Что интересно: угодливые восхвалители канули в лету, а писатели – объективисты не устаревают. Чем плохи Шолохов, Ильф с Петровым, Булгаков, Твардовский и многие другие?

Любой отрезок истории содержит массу любопытной и захватывающе-интересной информации. С верхних этажей власти постоянно идут посылы, оскужняющие и опресняющие реальные значимые события, зато на первый план выдвигаются сиюминутные третьестепенные эпизодики – правящая элита не любит афишировать свои делишки. А сколько интриг и драматизма в реальной истории. Взять хотя бы тридцатые года 20 века. Многие ничего не вспомнят (спасибо школьному образованию), другие, более подкованные, скажут: ну, репрессии, коллективизация, сталинская конституция, пакт Молотова – Риббентропа...

1939 год, август. Англо-французская делегация начинает переговоры о противодействии агрессивным планам Гитлера, причём английская делегация, прибывшая 12 августа в Москву, не имеет полномочий. Эти полномочия были получены лишь 21 августа. Германия в это время ведёт активные переговоры с Великобританией. С 7 августа в них принимает участие Геринг. Уже были планы прибытия в конце августа в Лондон самого Геринга, для подписания там соглашения между Германией и Великобританией. В ходе этих переговоров нацистской верхушке стало понятно, что запад не

готов к войне с Германией. Но это август. К развязке скоро подойдём, а сейчас вернёмся чуть назад. 11 мая 1939 года японские войска вторглись в Монголию. СССР имел договор с МНР о взаимопомощи. В конфликт на реке Халхин-Гол в конце мая втянулись уже целые дивизии с обеих сторон. Бои длились более трёх месяцев... 21 августа, в понедельник, в три часа дня, посол Германии Шуленберг вручил Молотову, второму лицу в государстве, обращение Гитлера к Сталину, где главный нацист мира просит принять министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа, для подписания договора о ненападении 22 августа, т.е. на следующий день, а самый крайний срок – 23 августа.

Перенесёмся на дальний восток. 17 августа 6-я японская армия О.Риппо развернуло новое наступление. Её численность составляла 75 тысяч человек, имелось 500 самолётов, 500 орудий и 182 танка. 20 августа красная армия перешла в контрнаступление. Исход боёв плавал в тумане. В Кремле выжидали до 22 августа, пока не получили донесение от Штерна об окружении японцев и полном успехе. Вот тогда-то и дали согласие и прилетел Риббентроп...

Даже изложенная в сжатом виде, такая информация заставляет мозг работать, а не зубрить механически скучные даты. Там, где нужно прославлять и события этого достойны, как говориться флаг в руки (авторучку, компьютер) и...вперёд. Перебарщивать и фальшивить не надо, вот это уже политиканство. Распиарили до невозможности пандемичных во-

лонтёров. Их и показывают, и премируют, и руководство с ними регулярно встречается, вплоть до президента. Какие они гламурненькие, одеты с иголки, в невесть откуда взятую униформу. (что-то на улице их не видно), их, якобы миллионы, бесплатно разносящих бесплатные продуктовые наборы нуждающимся. Ну да, загнали народ в квартиры, запретили хождение по улицам, потом опомнились (а как работать, как жить?) Обычные чиновные метания: без масок никуда нельзя, а масок первые месяцы не успели выпустить. За появление на улице без маски – штраф 5000 рублей, а работы нет. Как нарочно готовили социальный взрыв. Нужно помогать беспомощным? – Безусловно, но вопрос: «Что делали социальные службы практически три месяца 2020 года, когда вирус ещё не дошел до России?»

Почему славят волонтеров (зачем-то пристёгивая туда партию «Единая Россия»), но совершенно ни слова не говорят о людях, профессионально занимающихся оказанием помощи пенсионерам, инвалидам и прочим нуждающимся? У меня предложение: если у государства так много денег, давайте оденем в красивую форму штатных сотрудников, оказывающих помощь, увеличим, при необходимости, их штат и станем премировать за хорошую работу. А то позорище получается: неведомо за чей счёт, уж точно не за свои (кто потратил на помощь людям собственные деньги, не станет вызывать корреспондентов центральных каналов телевидения и выпячивать себя любимого), покрасовались перед

телекамерами, раздавая бесплатные продукты, да ещё партию приплели. Значит выделили деньги из бюджета, кого-то благодетельствовали, волонтеров приласкали. Что не так? Тридцать лет трындели: человек человеку – волк. Воспитали (тщательно выпестовали) таких бессовестных ублюдков, обворовывающих, сживающих со света стариков, а теперь хотят вмиг всё поменять. Да и вряд ли хотят – просто выборы на носу.

Разорители страны – благоденствуют, кто не сдох, а народ продолжают пичкать сказками о счастливом будущем. Славяне, все, вместе взятые, составляют меньшинство среди жителей Москвы. Парадокс? Вовсе нет – чиновникам легче, выгоднее иметь дело с инородцами. Пусть миллионы из них не работают официально и заняты подозрительными делами, зато текут от них денежные реки, да ещё размером не с Яузу и Сетунь, а как Амазонка и Ориноко...

Ельцин не выполнил ни одного своего обещания. Показатель редкостный, почти уникальный, а время его правления по числу интриг, преступлений и предательства одно из самых насыщенных.

Путин и его верный приемник и ничего удивительного нет в том, что его широко разрекламированные планы регулярно проваливаются с треском. А по-другому и быть не может, по простой причине: проекты возглавляют дилетанты, с блестками и мишурой, но, либо без царя в голове, либо откровенные ворюги.

Тасуют, как карточную колоду, министров и вице-премьеров с нулевым результатом, как в басне Крылова. Держат их во власти исключительно по принципу личной преданности, а не по деловым качествам. Сейчас бы нужны люди типа Косыгина, Устинова, Вознесенского, Ванникова, Малышева и им подобных.

Сам президент на фоне царедворцев вполне талантливый и способный человек. Он, конечно, схватывает не на лету, но всё же не столь гениально-медлительно, как его окружающие (так хочется сказать: окруженцы). Вспомните, не прошло и восьми лет его правления, как он стал понимать предательскую политику запада и робко возразил (Мюнхенская речь). Не прошло и пятнадцати, как его позиция стала гораздо решительнее (Крым, Донбасс), а потом и вовсе смелой (Сирия).

Он и науке не чужд. В начале десятых годов 21 века, если кто помнит и следит за новостями, Путин нырял с аквалангом и сходу обнаружил в глубине моря целую древнегреческую амфору, или, даже две – научное археологическое открытие. Правда, злые языки утверждают, что амфора изготовлена на приморском заводе декоративных керамических изделий, но это вопрос спорный.

Мы, кстати, с приятелем Кучаком, на днях, тоже совершили научное открытие. На нашем столе одновременно оказались антагонистические продукты: сельдь атлантическая и сгущенное молоко. Мы, почти сразу поняли – расстрой-

ство желудка неизбежно и внесли лепту в понятие раздельное питание: Кучак съел селедку, а я сделал бутерброд со сгущенкой и, никаких последствий не наступило. Тут и гадать нечего, чьё открытие полезнее, наше то точно имеет всемирно-историческое значение...

В разное время власти любили проделывать разные трюки – политические, политиканские, просто обманные и прочие, вплоть до предательских. Примеров не счесть. Князь Владимир, тот самый многоженец, крестивший Русь, выдвинул на битву с печенегом необычайной силищи, не своего дядю – Добрыню (былинного богатыря), а никому не ведомого Яна Усмошвеца, человека невысокого (в прямом и переносном смысле), но, разумеется, сильного. Поединок решал всё. Вместо битвы, половцы, уверенные в гарантированной победе своего выдвиженца, предложили единоборство двух сильнейших воинов. Как сказано в летописи, Ян давнул (раздавил в объятиях) печенега, а неприятельское войско бежало в страхе. Самому Усмошвецу и его отцу, людям происхождения незнатного, было предложено вступить в княжескую дружину, т.е. доверили возможность сложить при случае голову за князя. Характерно, что великим богатырём остался числится Добрыня (родня как никак).

В восьмом веке ушла в небытие французская династия Меровингов. Галло-германское население уже пару веков говорило на латыни, из которой через века сформируется впоследствии собственно французский язык. За двести лет со

времен Хлодвига, правители изнежились, расслабились. Они хотели только царствовать, но не заниматься управлением страны, этим скучным делом, которым ведали мажордомы из будущей династии Каролингов. Между тем, над страной нависла страшная опасность. Арабский Халифат находился в зените могущества. Со времени смерти Мухаммеда не прошло и сотни лет, а к ногам халифов (ещё тех, воинственных и амбициозных) швырялись земли и народы.

Отец Пипина Короткого, знаменитый и талантливый Карл Мартелл – мажордом последних Меровингов, в битве при Пуатье, отстаивает независимость государства. Вскоре поднимается вопрос о никчемности короля и смены династии. Римский папа одобряет рокировку и ... Меровинги слудуют в монастырь (не добровольно, разумеется).

Вот это решение – политическое, в принципе правильное и нужное, особенно, в то время...

Интересно, как бы сейчас, в Англии начала 21 века, в разгар гомосексуальной эпидемии (не коронавирусной пандемии), славили царствующего за семьсот лет до того короля Эдуарда. Небось был бы он образцовым...гражданином, а вот те, прежние подданные, не оценили прелести его поведения и свергли, да мало того – казнили с гениальной находчивостью. Внешне его тело совершенно не попортили. Эх не дожил он до «золотых времён» изоциренного разврата. Если ему поставят памятник, а, чем черт не шутит, даже сделают светлым мучеником (в западном мире и такое бывает),

можно констатировать: кончилась политическая, коварная, двуличная и предательская история Великобритании. Приехали. Уже разрешено венчать однополых брачующихся. Два гомика направляются в церковь на таинство венчания, заявляя, что бог глубоко внутри них. Лично у меня два вопроса. «Каким путём он проник туда?» и «Бог ли это?». Что интересно: сладкие (?) парочки, как правило, представляют сливки общества, но отнюдь не каменщиков, грузчиков, или металлургов...

У русской истории свои примеры: Юрий Долгорукий, из младших Мономашичей, приезжает в имение боярина Кучки и, не то по пьяни, не то сдуру, хозяина поместья убивают по его приказу. Кучка не кто-нибудь, а тесть сына Юрия, будущего великого князя Андрея Боголюбского. На месте убийства основывают Москву. Сыновья страдальца – боярина как ни в чём не бывало становятся со временем, ближайшими людьми Мономахова внука – Андрея. Они же, спустя тридцать лет, его и прикончат, не поможет князю даже меч святого Бориса, но и сами погибнут, будучи засмоленными в бочки и утопленными в озере...

Младшему сыну Александра Невского, достался в наследство беднейший городишка Москва. Сына звали Даниил и был у него нюх на власть и далеко идущие планы. Начиналось скромно: Даниил, а затем сын его Юрий оттяпали (отобрали силой) у смоленского князя Можайск, у рязанского – Коломну. Когда ничтожный престол достался брату

Юрия, Ивану Даниловичу, (Калите), тот уж развернулся на всю ширь своей хитрости.

Великое княжение принадлежало тверскому князю Александру, потомку брата Александра Невского. Хитрый Иван, подкопил деньжонок и когда появилась возможность интриг, он, кого надо подкупил, кому подольстил, смотавшись в орду привёл ордынское войско в Тверь и разгромил чужими руками удел своего троюродного брата. Великий князь Александр бежал в Псков, где был радушно принят.

Калита не успокоился и уговорил митрополита Феогнота отлучить псковичей от церкви. Пришлось великому тверскому бедолаге бежать дальше – в Литву. Великий хан Золотой Орды Узбек по достоинству оценил «благородную» деятельность пронырливого и настойчивого в коварстве Ивана, после чего сделал его Великим князем всея Руси...

Один из величайших правителей России, основатель Московского государства Иван III, в самом конце 15 века заточил венчанного на великое княжение внука Дмитрия... Петр I казнил сына Алексея – наследника престола, которого никак врагом России не назовёшь... Екатерина Вторая изничтожила (не своими руками) двоих последних потомков Романовых – мужа Петра III и императора Иоанна Антоновича. Примеры не самые страшные, а выбранные навскидку. По мелочи, так вообще бумаги не хватит для описания. Просторы необозримы. Сам путь во власть для таких людей как Солон, Дарий, Цезарь, Тимур, Фердинанд и Изабелла, Рише-

лье, Кромвель, Екатерина II, Ленин, Сталин, Хрущёв, Андропов, Горбачев, Ельцин, Путин – приключенческий роман для каждого в отдельности. Такие произведения (в хорошем исполнении), легко потеснят мусорную литературу с фальшивыми героями. Впрочем, следует открыть горизонты пошире: фальшь везде – в кинематографе, эстраде, живописи. От реальных политических тем, бегут как чёрт от ладана. Политико-ресурсно-банковский бомонд с лисьей хитростью улыбаясь народу, неумело прячет звериную сущность за красивую ширму слови постоянно прокалывается. Если верить рекламе хит парадов, у песней, за которые раньше били бы морды авторам и исполнителям, теперь миллионы поклонников. В фильмах натужная имитация жизни, по голливудским лекалам, ничего общего с реальной не имеющая. О современных художниках и говорить неловко. Может и созреют, но когда? А рыба, как известно, гниёт с головы.

Эрнст инвестировал кучу денег (не своих, конечно) в создание «эпохальных» фильмов, содержание которых никто не помнит через две недели после просмотра. Нас же пытаются уверить в его гениальности, как телевизионного, так и киношного деятеля. Другие есть, да кто их пустит. Будет сразу заметна его творческая примитивная заурядность. Его-то всё устраивает: главное – досидеть до конца жизни при деньгах и, хоть не великой, а власти. Его беспомощность ярко проявилась во время церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи, когда не раскрылось одно из колец...

Да, забыл о спорте, в частности, о футболе. Там тоже политиканство. Бездарнейшие и ленивые игроки с зарплатами раз в сто побольше, чем у заводских и фабричных работяг (о сельских трудягах и говорить не стоит), показывают на поле образцы, как не надо играть в футбол. Тотальная бездарная имитация... Сколько стебались над набившими оскоми-ну «взвейтесь – развейтесь», заполонившими тексты от Ленина до Черненко и Горбачева. Так сейчас не напишут не потому, что это пошлые, избитые штампы, а по причине гораздо более страшной – славить стало нечего и некого. Не восхвалять же рейдерские захваты редкостных прибыльных предприятий и огромных земельных латифундий. Даже бес-совестная власть понимает: петь дифирамбы – не к месту.

Помнится году в 2011 или 2012, когда в Москве бурлили «Болотные митинги», сотрудник одного из уральских заво-дов (кажется, начальник цеха) по фамилии Холманских, во всеуслышанье заявил о готовности работяг дать отпор «ли-беральному болоту». Его тут же распиарили и сделали пол-предом президента в Уральском федеральном округе. Вот, казалось бы, персонаж на фоне тупого безличия, но его ско-ренько, куда-то спланировали и забыли. Политиканство и дема-гогия.

Написал слово демагогия и вспомнил случай пятидесяти-летней давности. Нам в школе еженедельно трубили об Ан-джеле Девис и американских трибунных демагогах. Во время сеансов пропаганды, считалось неприличным задавать уточ-

няющие вопросы, чтобы томительные мероприятия заканчивались поскорее (лекторы тоже торопились и делали своё дело формально). Дома, воспользуясь моментом, я попытался выяснить, кто такие демагоги. По случаю аванса или полочки, у нас в доме происходила лёгкая пьянка (мать была на работе, а отец с двумя приятелями отмечали радостное событие). Один был известный деревенский пастух – дядя Лёша Безруков, всю войну пропасший коровьи стада в Монголии, другой дядя Вася Лохмач, обладатель второй машины в окрестностях («инвалидки»), тогда ещё не разоблаченный бывший полицай. У Лохмача имелся феноменально подвешенный язык, и он им молол не переставая.

Отец гордился моими успехами в учебе, и я был явлен «обществу». Экзамен, устроенный мне Лохмачём, я, конечно же, провалил. Знаниями он не блистал, но заменял их тюремными хохмами и прибаутками, а я-то отвечал на вопросы серьёзно. Отец, (не семи пядей во лбу) даже слегка расстроился, половину не поняв. Тут меня осенило спросить бормотуна (тоже в своём роде политикана) о демагогах. Экс полицай, нетрезвым взором обежав меня, разочарованно протянул:

– Я думал ты умнее. Историю забыл? Помнишь: Гог, Магог и демагог... Понял?

– Нет, ничего не понял, – ответил я, осознавая пропасть своего невежества (как мне казалось).

Отец по-пьяному приуныл и хотел было изгнать из ав-

торитетной компании, но великодушный Лохмач замолвил словечко, и я был помилован. Он хитренько глядя на меня, ободрил:

– Не переживай, подходи почаще – я тебя многому научу. Например, тебе известно, кто лучшие медики? Молчишь? Запоминай: лаборанты. Понюхал такой мочу у любого больного, а то и здорового человека – сразу диагноз определит, чем, например, болела твоя бабушка...

Я удивлённо спросил:

– Дядя Вася, а откуда ему про бабушку известно?

Бывший прислужник Гитлера, посуровел грубоватым, морщинистым лицом. Из-под всклокоченных бровей на меня уставились серые, немного презрительные глаза. Он, крихтя, (одна нога у него была деревянная) поднялся во весь свой более чем полутораметровый рост и, подняв указательный палец правой руки произнёс:

– Диалектика! Когда-нибудь поймёшь.

Впрочем, я отвлекся. Полная аналогия с Уральским экс-представителем Холманских, прослеживается в истории с первым покушением на Александра II. Царь прогуливался с собакой, а толпа зевак наблюдала за моционом (то ли императора, то ли собаки). Некто Каракозов, тип, психически неуравновешенный, восторженный и неврастеничный поборник народного счастья, решил августейшего монарха пристрелить. Он долго и неуверенно целился, так долго, что сторож Летнего сада поднял крик. Толпа напала на нерасто-

ропного стрелка и повалила его. В числе схваченных и отправленных в 3 отделение к жандармам, оказался невзрачного вида картузник Осип Комиссаров. Бедолага мысленно готовился к многолетней каторге, когда в чью-то жандармскую голову, пришло что это и есть спаситель государя, который, де, предотвратит роковой выстрел. Трудно сказать, почему выбор пал на столь ничтожную личность, возможно, из-за характеристики, данной воспитателем и опекуном картузника А.С. Вороновым: «Это в сущности препошлый человек... Он от природы туп до крайности...». Что было потом, дело бессмысленное описывать полностью – это займёт многие сотни страниц. Можно упомянуть пунктиром: Осип стал потомственным дворянином Иосифом Ивановичем Комиссаровым -Костромским. Империя молилась на него. Антон Рубинштейн сочинял музыку, а Некрасов стихи. Все газеты и журналы источали елей в хвалебных статьях, а иконами, деньгами и почестями несостоявшегося каторжанина завалили... Жена его (дура набитая) ходила по торговым рядам Гостиного Двора, ежедневно скупая шелка и бриллианты, рекомендуясь женой спасителя. Смущенные купцы пытались уверить её, что спаситель был холостой...

Через пару-тройку лет о нём никто не вспоминал...

Теперь вопрос: «Неужели фэнтези и вымысел лучше описания реальной и интереснейшей жизни?» Что-то не верится. Причина скорее в другом: легче выдумывать разный вздор, чем долго изучать источники и обрабатывать большие

массивы информации. Даже литературные пособия предостерегают: старайтесь не писать о реальных людях и событиях. Ох уж эти пособия!

Моему знакомому Олегу, решившему припасть к стопам литературы на шестьдесят шестом году жизни, его дочь (заботясь о папе) подарила книгу № 1 по писательскому мастерству (так значится на обложке) англоязычного Юргена Вольфа. Почему этот явный немец англоязычен, вопрос вторичен, среди израильтян тоже встречаются Иваны Ивановичи Ивановы. Важно, что автор разжевывает для неучей, во всех мелочах, нюансах и оттенках, процесс создания литературного произведения, от рассказа, до романа, от эссе, до пьесы и т.д. Мало того, рекомендуется не только как писать, а о чём, или о ком.

Когда мой приятель Кучак (личность довольно известная в определенных кругах) ознакомился с содержанием методички, то пришёл в совершенный восторг:

– Мелко плавает! Мне предлагается дуркануть лопушистую публику книжной макулатурой типа «Как стать богатым и счастливым», или «Сто самых быстрых людей планеты». Сразу видно, автору почти ничего не известно о вкусах публики. Наш взыскательный читатель требует совершенно другую литературу, а именно: «Как получить максимальный надой от коровы соседа», «Как безопасно обчищать фруктовые сады», «Как алкоголикам избавиться от женских сексуальных домоганий, но быть при этом напоенными», «Как

прогуливать школьные занятия без последствий», «Как безнаказанно начистить рыло полицейскому», «Как всю жизнь не работать сидя на шее у государства»...

Александр Васильевич перевел дух и продолжил:

– Дальше предлагаю скандальные серии: «Сто самых слабых людей Европы», «Сто глупейших политиков мира», «Сто самых сопливых людей планеты», «Сто великих пердунов», «Сто наиболее вонючих людей», «Сто наиболее вонючих животных»...

Подозреваю, что эти сотни совпадут, значит – искусство прозорливо... Могу продолжить: «Школа ублюдочного существования», «Сто вариантов казни Чубайса», «Счастливая смерть наркоманов» ...

Мне пришлось остановить поток идей Кучака, иначе он распинаясь бы ещё часа два-три. Положа руку на сердце, признаю: в его словах доля истины присутствует. Почему бы не вывести на чистую воду самовлюбленных политических индюков, или высмеять их потуги?

Через смех происходит очищение общества, а знания о недобросовестных делишках политиканской своры, позволяют не допустить проползанию во власть совсем уж мерзейших личностей. Недаром говорится: предупреждён, значит – вооружен.

Ещё нужна объединительная идея. Когда цели правительства совпадают, или близки к целям большинства населения – сворачиваются горы. Если же цели власти мутны и, по кры-

синому мелки – любое государство станет деградировать и, неизбежно погибнет...

Напоследок пожелание: делайте свою работу честно и добросовестно, на каком бы посту вы не находились. Суд времени рано или поздно расставит всё по своим местам. Его не боятся лишь дураки и патологические негодяи, недостойные даже по земле ходить.

17 марта 2021 года

Три мужа Петровны.

Наша жизнь, как правило, течет размеренно. Мир не меняется на глазах, хотя пропаганда и телевидение трубят о стремительном и непрерывном обновлении. На самом деле, быстрая смена уклада и обстановки, случается при резких ухудшениях, а положительные изменения, увы, тоскливо-медленны. Мы видим одних и тех же соседей, ходим привычным маршрутом за покупками и, даже бомжи и старушки собираются у мусорных контейнеров прежним составом. Многочисленные одинокие женщины, живущие поблизости, представляются привычным делом, навек устоявшимся фактом. Окружающие обыватели чаще удивляются не тому, что они одиноки, а тому, что они, иногда, перестают быть ими.

В пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы 20 века, это массовое, бросающееся в глаза женское одиночество, являлось естественным последствием войны. Мужчин не хватало настолько, что калеки с одной ногой или рукой

разбирались нарасхват.

Картина поменялась с семидесятых годов. Соотношение полов постепенно выровнялось, но пришла другая беда: произошла сильнейшая деградация устоявшихся положительных качеств русской женщины. Стали стремительно исчезать доброта, верность, терпеливость, зато ярко проявились: алчность, склочная вздорность, тяга к легкой (во всех смыслах) жизни и т.д.

Я совершенно не обеляю мужчин, которые, в известной степени, «обмельчали», в переносном смысле, но это проявилось не столь резко, как у слабого пола. В качестве доказательства, приведу пример моей родной Перспективной улицы:

Из 26 ребят, развелись, спустя долгие годы – шесть, а из 16 девушек – девять. Хотя имеется пример совершенно уникальный: В парковом переулке проживали 8 девиц и один молодой человек, но никто из них, до старости о разводе даже не помышлял. Но то, случай особый – его населяли педагоги и куркули, а они, получается, вывели особую породу людей, устойчивых в браке.

Был обратный пример: моя соседка Нина, которую я не стал включать в число шестнадцати местных девиц, вышла замуж и разводилась ежегодно, в течении двенадцати лет...

В моей родной, далеко не рядовой и заурядной деревне, выросло, или проживало несколько поколений зубоскалов,

аферистов и тружеников, достойных внесения в анналы истории, или, хотя бы, в литературные герои. По мере своих скромных сил, я стараюсь их вывести на страницы рассказов и повестей. Это первый случай, где вместо героя, фигурирует героиня, но поверьте, оно того стоит.

Их было три сестры: Клавдия – 1922 г. рождения, Мария – 1924 г. рождения и, младшая, Ольга 1926 г. рождения. По отцу все они Петровны, а их девичья фамилия затерялась во времени и её вспомнить никто не смог, даже из наиболее древних обитателей деревни Колычёво (какой спрос со склерозников?)

Внешне сёстры не слишком походили одна на другую. Старших отличал невысокий рост и отсутствие признаков ожирения, вплоть до старости. Младшая, с простоватым лицом и таким же характером, была чуть повыше, поплотнее и зауряднее внешностью, зато выделялась добротой и необычайной работоспособностью. Любое дело спорилось в её руках и выполнялось не из-под палки, а с какой-то изящной легкостью. Её чуть портили волосы, цвета прошлогодней соломы, зато красила постоянная улыбка на веснушчатом лице, резко отличавшая её от вечно грустящей Клавдии и высокомерной Марии.

Печальная старшая сестра уродилась шатенкой, а средняя, которая и станет героиней рассказа – черноволосой красавицей с тёмно-голубыми глазами...

Шёл поздний май 1946 года. По шальному цвели ябло-

ни и сирень. Речка Щеленка вошла в берега после разлива, а школа выплеснулась на улицу. Каждую перемену ученики проводили на пришкольной лужайке со спортивными снарядами, восторженно резвясь. Их крики наполняли парк (бывшее имение князей Оболенских) и были слышны на любом из деревенских концов.

Год, как закончилась война. Сказать, что люди тогда жили бедно, это слукавить, они владели полунищенское существование на просторах необъятной страны. Народ в конце обносился – пять лет, как одежда исчезла из продажи (текстильная промышленность ещё в 1941 году была переориентирована на нужды фронта). Не секрет, что до пятидесятых годов, мужчины донашивали военную форму...

Что касается Колычёва и ближайших деревень, то положение их несколько смягчалось наличием огромного «Дома инвалидов общего типа», как называлось тогда это заведение, переименованное впоследствии в психоневрологический интернат. Более тысячи калечных, увечных, контуженных, обслуживали около пятисот женщин из окрестностей и полтора десятка мужчин на руководящих и технических должностях, тоже израненных и обожженных огнём войны. Положение с едой (в стране карточная система) считалось сносным и, благодаря социальному заведению, смертей от голода в окружающей местности почти не наблюдалось. С тряпками было похуже, но кое-как перебивались. В швейной мастерской, из остатков старых штор и тюля, умудрялись иной раз,

выкраивать и шить «модные» платья...

Третий день многочисленное девичье племя деревни будоражила весть: в Доме инвалидов, в качестве заместителя директора, появился красавец капитан, увешанный наградами, всего 23 лет отроду. Воскресным вечером намечался концерт местной самодеятельности и танцы в деревенском клубе. Клубов было два: большой, тот, что находился в бывшем монастыре, функционирующий только в дневное время и общедоступный, деревенский, буквально через дорогу от первого.

Мария (все три сестры обслуживали инвалидов) дважды видела капитана и, даже сумела смутить его очень личным вопросом:

– Какие девушки вам больше нравятся?

Бывший военный, которого звали Георгий Бурмисторов, ответил с неуверенной робостью, что, мол все хороши и торопливо умчался, не то по делам, не то, чтобы скрыть растерянность.

Красавица Маша, берущая две октавы, являлась ярчайшей личностью в районной художественной самодеятельности. Она многократно, в течении войны, выступала перед ранеными в госпиталях Егорьевска, Коломны, Куровского и Орехово-Зуева и, после прослушивания специалистов (накануне описываемых событий) была приглашена в хор Пятницкого – знаменитейший музыкальный коллектив той эпохи. Теперь, эта без пяти минут артистка, мысленно уже при-

меряющая лавры будущей солистки, решила завоевать внимание перспективного молодого человека.

Герой, надо признать оказался довольно робок с женским полом. Среди десятков девиц, он высмотрел одну, показавшуюся ему попроще остальных (ей оказалась сестра Марии Ольга) и дважды, со стеснительной галантностью приглашал её на вальс.

Мария, уже исполнив три песни вначале концертной программы («Орлёнок», «Катюша», и «Землянка»), не дождавшись приглашения на танец, подошла к младшей сестре:

–Я гляжу ухажёра нашла. Ишь как раскраснелась. Не стыдно тебе вальс в сапогах танцевать?

–Все девки в сапогах, да бурках. Чего ж стыдится-то? Туфли только у тебя, да Гальки – соседки, а пригласил он не вас, а меня. Ты почему злишься, Маша?

Мария украдкой скосила глаз на капитана, стоящего метрах в пяти:

– Вы топтались как корова с бараном. Разве так вальс танцуют?

Не слишком просторное помещение клуба, если и не было забито под завязку, то заполнено изрядно. На более чем шесть десятков потенциальных невест, нашлось полторы дюжины инвалидов войны, три полноценных кавалера жениховского возраста и четырнадцать маловозрастных ребят семнадцати-восемнадцати лет. Впоследствии, году к 1950-му все они будут расхватаны, а моё поколение, спустя пару

десятилетий, удивляться: почему в деревне так много мужчин, женатых на дамах, лет на шесть восемь старше себя?..

Одна из голосистых деревенских девок, подойдя к безногому баянисту, сидящему на сцене в специально сколоченном полустуле-полукресле, пошептала с ним приблизилась к самому краю сценического возвышения и, призвав присутствующих к тишине, запела. Песня «тяжелая» и грустная, рассказывала об участи одинокой рябины, которая не может перебраться к высокому дубу и сплестись ветвями с ним.

Капитан решил подойти к двум сёстрам, а следом подбежала и третья – Клавдия, из женского любопытства. Георгий удивился, узнав, что они родные сёстры. Он тихонечко прокомментировал исполнение:

И муза в дырявом платке

Протяжно поёт и уныло

– Это вы сейчас сочинили? – Мария удивлённо подняла и распахнула глаза.

– Нет, что вы, мне так не суметь. Это Анна Ахматова написала, лет двадцать пять назад. Кстати, в вашем исполнении песни звучали гораздо лучше.

Ольга подала голос:

– Маша у нас – знаменитость, не то, что мы.

Капитан подбодрил:

– У близких родственников и способности сходные. Может попробуете что-нибудь спеть?

Ольга засмушалась:

– У меня духа не хватает.

– Так наберитесь его и смело на сцену.

Тут произошёл конфуз. Мария беспардонно влезла в разговор:

– Ей нельзя. Коли она наберётся духа – так перданёт, что народ разбежится. Всю избу и так провоняла...

Ольга стремительно рванулась в сторону выхода. За ней поспешила старшая, влобоборота бросив Марии:

– Дура! Дура и сволочь...

В сентябре справили свадьбу, и Георгий Бурмисторов перебрался на жительство в дом жены – Марии Петровны, теперь Бурмистровой.

Дальше потекла послевоенная жизнь. Ни о каком хоровом коллективе речь уже не заходила. В 1947 году родилась дочка Люба. Мария, стараниями мужа, получила должность заведующей библиотекой. Не простой библиотекой, которая тоже имелась в деревне, а большой монастырской, насчитывающей 12 тысяч книг. Лишь пара тысяч из них относилась к духовно-религиозным изданиям, а, около пятисот являлись настоящими раритетами, подаренными монастырю Марфой Петровной Брюкендаль, в девичестве княжной Оболенской. Кстати, обеих Петровн (Оболенскую и Бурмистрову) объединяла величавость походки. Поступь голосистой библиотекарши я наблюдал лично более сорока лет подряд, а плавнохождение «лаптевской принцессы» (В Лаптево находилось имение Оболенских, которое впоследствии вошло в состав

Колычёва, улицами Перспективной и Парковой, ещё Парковым переулком), неутомимой борчихи за крестьянские права (по молодости), отражены в сочинениях местных историков – Александра Соллертинского и, позднее, Владимира Смирнова...

Извиняюсь за отступление и некоторые подробности, но эти дамы похожи, хотя бы отчасти ещё и судьбой. Марфушу, в сороковых годах 19 века, покорила отставной вояка Брюкендаль, который скончался вскоре, вероятно, от счастья...

К написанию данного рассказа меня склонили два знакомых графомана, всучив пособие для литературных бездарностей от Эльвиры Барякиной, со словами:

– Твоя непредсказуемая и зигзагообразная писанина отталкивает и пугает читающую публику. Мастерница (Барякина) указывает на недопустимость множества героев, а также, сюжетных отклонений.

Любопытства ради, решил я попробовать следовать советам юной наставницы – метрессы. Получаться стало нечто похожее на тропку к кустам за дачным участком, когда туалет ещё не построен, или на сухую тонкую жердь.

Терминология не моя. Приятель-интеллектуал Слава, из Белоруссии, мягко пресек мои попытки следовать идиотическим советам:

– Если линия сюжета пряма, как тело паралитика на жесткой кровати, а не содержит ответвлений и замысловатых интриг с любопытными фактами, только занудный читатель,

вроде меланхолично жующей коровы, сумеет одолеть такую книжонку. Ты внимательно почитай эту «барякинщину». Она утверждает, что в русском языке нет альтернативы англицизма «штанишник» (человек, чувствующий задницей). Да полный бред! Я подозреваю её в не совсем отечественном происхождении. Достаточно вспомнить: жопочуй, чуйник, интуитивник, задноях... хотя последнее можно трактовать двояко...

В общем он вернул в строки свойственный мне юмор.

... События 1947 года в деревне, стране и мире, развивались интересным образом. Разгоралась холодная война, в СССР отменили карточную систему и провели денежную реформу, а в Колычёвском доме инвалидов устроили борьбу со вшами и добились выделения новых простыней и одеял, взамен дырявых и расползающихся, а также поставок одежды и обуви. Успеха удалось достичь благодаря новому директору. Нет, им не стал капитан Бурмистров. Прибыл новый назначенец полковник, а Георгий ему энергично помогал. Под его руководством запустили пилораму и соорудили огромные арочные ворота из дерева, для дополнительного въезда на территорию. На воротах рельефно выделялись цифры 1947, вырезанные с претензией на изыск местным столяром-гробовщиком.

Марию, по совместительству, назначили дополнительно завклубом заведения. Иной читатель тепличного воспитания, воскликнет:

«Вот завирает! Мало того, лишнюю должность приплёл, так ещё о ребёнке забыл. А как же отпуск по уходу за детьми?»»

Так вот, тепличные пусть ужаснутся: в то время рожали много, а насчёт послаблений – разрешали бегать домой кормить грудью...

Сестра Марии – Клавдия, к тому времени также обзавелась ребёнком. Мало того, сёстры рассорились до конца жизни, но это произошло чуть раньше.

Юная семейная пара наслаждалась брачным счастьем уже недели полторы, когда старшая сестра робко объявила о попытке замужества.

– Притащить в дом еле ходящего инвалида?

Ты с ума сошла Кланя! От него прока никакого, одна обуза – бушевала Маша – Неужели нормального найти не смогла?

Мать вздыхала, возясь с чугунками в печи, не вмешиваясь, Ольга отмалчивалась, сердясь на разошедшуюся певунью, а жертва скандала, сидя у окошка и покусывая край платка, вяло отвечала:

– Где их найдёшь теперь здоровых? А Степа – хороший человек. Время пройдёт, ноги, глядишь и заживут. Проживём как-нибудь.

– Как же, держи карман шире, так он тебе и выздоровел. Ноги его в доме не будет!

– Что ты распоряжаешься как хозяйка?

– Потому распоряжаюсь, что поумнее других. Тебе же душе добра желаю. Спасибо ещё скажешь, небось.

Клава медленно повернула голову в сторону капризной буянки:

– Поздно...

Мария подскочила, как ужаленная, поняв смысл сказанного:

– Ты что... уже?

– Уже, уже.

– Георгий! – Мария бегом устремилась на террасу.

Новоявленный муж на первых порах, деликатно выходил покурить, дабы не портить в доме воздух.

Разговор со Степаном состоялся на деревянном мосту. Георгий важно вышагивал на работу, а на встречу ему плелись будущий муж Клавы с юным, но могучим инвалидом Митькой Ряжновым. Зам директора остановился, не очень уверенно пытаясь изобразить на лице презрительное выражение:

– Комо грядеши, вшивый?

Степан ответил с нецензурным возмущением, а молодой попутчик предложил скинуть «важного павлина» с моста.

Через три минуты, конфликт, совершенно не нужный начальнику средней руки, был разрешён компромиссом. К седьмому ноября, Клавдия со Степаном получили комнату в бараке, площадью 10 квадратных метров, а, считая печку, только девять. Степан сыграет большую роль в производстве

на свет троих детей, но об этом позже...

Если двигаться от Егорьевска по старому почтовому тракту в сторону Рязани, т.е. на юг, с левой стороны, между улицей Перспективной и мостом, стояли четыре добротных дома, принадлежащих людям волостного масштаба. В третьем по счёту, как раз и проживала Мария с мужем. Четвёртый дом занимала семья легендарного Франца Чёрмака, – старого большевика, бывшего австрийского подданного и военнопленного Первой Мировой, установителя и насаждателя советской власти в уезде, вовремя слинявшего на должность председателя сельсовета, что позволило ему уцелеть в репрессиях тридцатых годов и дотянуть на перворазрядном деревенском посту до смерти, наступившей в 1967 году.

В первом доме, точнее домище, барствовала семья директора школы Виктора Васильевича Сарычева, привезшего с фронта жену – медичку. Их жилплощадь долгие годы оставалась непревзойдённой – одних печей насчитывалось пять, а с фасада, дом имел семь окон, из общих пятнадцати, чем выгодно отличался от второго, принадлежащего бывшему начальнику волостной милиции (была на заре советской власти такая должность), впоследствии переброшенного на престижную работу местного пожарного. Пожарник этот целыми днями торчал на колокольне, высматривая опасные возгорания и время от времени деревенские обитатели слушали его истошный крик:

– Матушка! Ставь самовар, я иду!

В случае пожара оратор было не нужно -колокола возвещали дурную весть громче человеческого голоса...

Коренной, да ещё в добавок, древний обитатель Колычёва, непременно упрекнёт: «Что-то автор привирает – домов то пять, а не четыре». Резонно возражаю: в пятом по счёту, доме, у самого моста, менее чем в пятидесяти метрах от угловой башни бывшего монастыря, приспособленной под мертвецкую Дома инвалидов, проживал Гаврила, а уж он точно не относился к деревенской знати советского периода. Более того, он устойчиво считался «бывшим», т.е. имевшим в царское время определенный вес. Местная молва, до самой смерти в конце семидесятых годов 20 века, приписывала ему одну из главных ролей в исчезновении монастырских сокровищ, перед их конфискацией в 1918 году.

К чему здесь Гаврила? К тому, что он держал корову, а местные бонзы не опускались до такой низости.

В 1948 году, когда дочери исполнился годик, Георгий, пошепчась с женой, объявил на общесемейном совете о желании избавиться от животины, требующей постоянного присмотра и хлопот с заготовкой сена. Мать возражала робко, Ольга – настойчиво. Но их сопротивление было сломлено.

В стране разгорелась борьба с космополитами. Зощенко и Ахматову уже травили, а Мария не знала, что делать с книгами некогда популярных авторов. Муж её успокоил:

– Не надо их выбрасывать, или сжигать. Если подойти к вопросу серьёзно – половина библиотеки подлежит уничто-

жению...

В 1949 году на страну вновь свалился голод. Дом инвалидов спас местных и в этот раз. Директора, за успешное преодоление трудностей, перевели на хиреющий бондарный завод, где он не сробел, вывел вновь возглавленный коллектив в передовые, причём, кроме бочек, кадок, ведерок и прочих ёмкостей, освоил производство тележных колёс – вещь незаменимую для гужевого транспорта.

Когда талантливый хозяйственный руководитель и на новом поприще достиг успеха, его перебросили в Киев, назначив директором драмтеатра, а, спустя некоторое время, на аналогичную должность в цирке... Неисповедимы пути советских чиновников, вернее принципы, по которым они назначались...

Преимущественно с запада плыли облака. Жизнь простых людей медленно и постепенно налаживалась. Мужчин в окрестностях стало гораздо больше – армию потихоньку сокращали и возвращались молодые люди, едва понюхавшие порох, а то и вовсе не принимавшие участия в боях.

Из Москвы доходили вести об очередном крупном судебном процессе, по так называемому «Ленинградскому делу». Назывались фамилии: Кузнецов, Вознесенский, Попков...

На должность директора прибыл очередной полковник, по фамилии Градов, уступающий предшественнику в деловых качествах, зато превосходящий его ростом и бравой выправкой.

С новым начальником прислали, вернее – пригнали персональный автомобиль «Победа», две полуторки и лендлизовский «Студебеккер». В МООСО, на старую площадь стали ездить по делам и с отчётами не на перекладных, а от места до места.

В деревне появилось радио с электричеством. В Москве практически исчезли кремлежители, целые когорты которых заселились в средневековую крепость в 1918 году, после драпа октябрьских переворотчиков из Питера. Многие из них ушли в насильственное небытие, а остальные расселились по квартирам, дачам и, даже, лагерям...

Дочь, Любочку отдали в только, что отстроенный детский сад и заведующая – Мария Сергеевна, отмечала перед авторитетной родительницей ранние способности ребёнка. Надо отметить: местная элита безоговорочно приняла товарища Бурмистрову, как тогда казённо выражались, в свои ряды. На работе, да и на улице, обычный люд обращался к ней исключительно: Мария Петровна. Стараниями мужа она влилась в ряды обширной партийной организации деревни, процентов семьдесят которой составляли инвалиды социального заведения, многие – прикованные к кровати.

Мария с подросткового возраста обладала задатками лидера, что признавали и класс, и школа в целом. Война, однако, расставила немного другие акценты: среди Машиных одноклассников, двое оказались Героями Советского Союза – Зинаида Самсонова и Иван Яснов. Они не вернулись в

Колычево. Зина, которой посвящены стихи знаменитой поэтессы Юлии Друниной:

Знаешь Зинка, я против грусти,

Но сегодня она не в счёт.

Где-то в яблочном захолустье

Мама, мамка твоя живёт...,

положила голову в Белоруссии, близ села Озаричи, летом 1944 года, а весельчак т озорник Ваня, одним из первых ворвавшийся на своём танке в Берлин, скончался в Сталинградском госпитале в 1946 году.

Так оказалось, что жила Мария Петровна Бурмистрова на главной деревенской улице, носящей с 1945 года имя Зинаиды Самсоновой, своей недавней подружки, ставшей в одночасье известной героиней. Дома их стояли друг от друга метрах в ста пятидесяти.

Библиотекарша пошептала с мужем, тот на следующий день наведалься в директорский кабинет, на втором этаже колокольни, и, тётя Маня Самсонова, в счёт заслуг дочери, была выдвинута на пост заведующей баней-прачечной...

Шли недели, месяцы. Младшая сестра нашла общий язык с тихоней Сережей Логиновым и вышла за него, ни капельки впоследствии не пожалев. Сергей, неутомимый труженик, отстроил на диво красивый просторный дом, в котором появился на свет их первенец – Коля, будущий Коля Мастер.

Не слишком твёрдо держащийся на ногах Степан и жена его Клавдия тоже не дремали – у них, неделю спустя роди-

лась Света – второй ребёнок, после Люси.

На далёком Корейском полуострове полыхала война, но понять что-либо из газетных и радионовостей обычным людям было трудно – оглушительный треск пропаганды, кроме лозунгов, призывов и прочей мишуры в головах ничего не оставлял. Простой обыватель наивно рассуждал: «Коли они за нас, подмогли бы «северным», да грохнули по супостатам...»

Библиотечные обязанности не особо обременяли Марию – читатели в помещение не ломались. В редкий день случилось более десятка посетителей, да и тех больше интересовали газеты и журналы. Количество книг на момент ареста всесильного министра Абакумова, достигло двадцати тысяч, правда, в большей мере, за счёт макулатурной литературы и цитатников, но уже встречались добротные стихотворные сборники о войне. Правдивая проза о лихолетье (лейтенантская) появится позднее, а пока накатывал девятый вал агитпромовской пены о героях, не спящих по восемь суток кряду, не евших по две недели, но думающих только о социализме, колхозной деревне и коммунистической партии, а ещё способных в одиночку переколоть штыком (патроны кончились) полк вермахта. Вопросов, почему партия и Сталин не позаботились о еде и патронах, задавать было нельзя – червато 58-ой статьёй.

Георгий, ушедший на фронт со второго курса филологического факультета (он не возвратился на учёбу) иногда, в

домашней обстановке тихо подшучивал:

– Литературный герой современности должен обладать хорошим аппетитом...

Не менее полутора тысяч книг Мария Петровна списала и потихоньку перетаскала домой. Полки для книг не очень умело сколотил муж. Мать ворчала: «Одна пылища от ваших книг».

К тридцатипятилетию октябрьской революции готовили большой концерт в клубе дома инвалидов. Семитское население щемили по всем фронтам, даже школьников евреев стали подтравливать соученики, не без подсказки педагогической администрации. Сталин уже выступил на 19 съезде с программой, ужаснувшей партийных функционеров, а жить ему оставалось чуть менее четырёх месяцев.

Готовила концертную программу лично Мария, при активном участии мужа. На роль конферансье выдвинули языкастого хохмача Митьку Ряжнова, способного замысловатой болтовней заполнить любую паузу. Мероприятие прошло на ура. Когда готовили за занавесом сценку из спектакля, ведущий хромоног с протезной конечностью, сыпал каламбурами и анекдотами, но особенно запомнились переделанная им песенка и злободневный стишок. Куплетик он спел без аккомпанемента, зато под смех зрителей:

Самолёт – хорошо

Пароход – хорошо

И трамвай – хорошо

А кобыле – легче...

Последнюю строчку, им сочиненную, читатель, избалованный излишеством, не оценит, скорее всего, тогда, лошадь заменяла и транспорт, и трактор...

Две строчки, первая из которых принадлежала ему, он выдал под одобрительный шум:

Противник – малохольный жид

И враг бежит, бежит, бежит.

Вскоре Сара Фишелевна Грюнберг, вышла замуж за коллегу и превратилась в любимую учительницу русского языка и литературы Светлану Филипповну Медведеву....

Как-то январским днём 1953 года заглянул в библиотеку директор Градов, собственной, холёной, гладко выбритой персоной:

– Как ваши дела Мария Петровна? Всё ли в библиотеке в порядке?

Жена заместителя директора встревоженно подумала: «Зачем припёрся?», но вида не подала и, с официальной суховатой вежливостью ответила:

– Да, товарищ Градов, всё в полном порядке.

– А мне доложили, что у вас запрещенный Есенин имеется. Не дадите ли его почитать? И ещё: зачем так казённо обращаться? Гораздо проще по имени отчеству, вам, можно просто по имени.

Мария лихорадочно соображала: он что, пытается поймать на запрещёнке, или клинья ко мне подбивает, а, может

и вправду лишь хочет почитать книжки великого поэта? Не совсем уверенно улыбнувшись, библиотекарьша возразила:

– Что вы, сомнительная литература, по которой принимались решения, списана полностью. Вот, пожалуйста, копия акта: Мандельштам, Васильев, Хлебников, Багрицкий, Пильняк, Ахматова, Гумилев, Зощенко... списано и уничтожено... глядите – число, подписи членов комиссии.

– Да я понял, но фамилия Есенин что-то вами не названа. Я же просто почитать хотел.

– Есть там Есенин и ещё десяток авторов, я не стала перечислять всех, чтобы не утомить.

– Жаль, жаль – Градов мечтательно облокотился на стойку перед библиотечарским столом:

Я скажу: не надо рая,

Дайте родину мою...

Мартовское известие о болезни Сталина, поразило страну неожиданностью и нелепостью. Казалось, что великий вождь и болезнь, а, тем более смерть, – вещи не совместимые. Природа, однако, доказала – доктрина Марса никакого влияния на продолжительность (естественную) жизни не имеет.

Градову и Бурмистрову посчастливилось на траурном прощании с вождём поприсутствовать. Вернулись руководители дома инвалидов изрядно помятыми и растерянными.

Жизнь завертелась с карусельной быстротой и невероятными, почти революционными изменениями. Мгновенно, как по волшебству, прекратилось «дело врачей», свелась на

нет антисемитская истерия и был арестован страшный Рюмин. Из лагерей высыпали толпы амнистированных уголовников и немногие политические, имеющие связи и родственников «наверху». Не прошло и четырёх месяцев, как арестовали всесильного Лаврентия Берию, а заодно, наиболее одиозных фигур тайной полиции, вроде Гоглидзе, Мешика, Кобулова, Деканозова и пр.

Из Москвы приходили циркуляры и указания о поддержании оптимизма у подчинённых. И действительно, ряд послаблений позволил этому оптимизму появиться. Колхозам стали списывать долги. Траур не перерос в праздник, но положительная динамика наметилась...

Старый фруктовый сад около больницы ликвидировали, отдав землю под индивидуальные огороды, зато заложили два новых – огромный, на подсобном хозяйстве интерната и поменьше – рядом со школой.

У Георгия будто приоткрылись глаза: он только сейчас оценил убогость низеньких домишек, крытых дранкой, ветхость кривых заборов из осиновых, преимущественно, колышков... Под его воздействием, молодой кузнец и пиломатериалщик в одном лице, низенький Костя Таракан развил бурную деятельность по обеспечению местного населения пиломатериалом – тесом, досками, брусом и штакетником, не без личной выгоды.

Если прежде штакетниковые ограды имели председатель сельсовета, да директор школы, то теперь ещё пятеро дере-

венских прыщиков, как именовали местные непосредственных начальников, поддались новым веяниям и поставили вдоль фасадов домов модные заборчики.

Мать Марии Петровны, как ей казалось, предусмотрительно бурчала:

– Не выбивайтесь вы вперёд из рядов. Ну как снова раскулачивать станут? И книжки ваши ещё... Соседка Клава уж на что богобоязненная была, в монастырских послушницах ходила, а книжек нагляделась – и бога забыла, песни революционные запела... Надясь на Троицу срамные стихи читала мужу:

Пьяненькая роженька

Милый мой Серёженька.

Вот книжки до чего доводят! Позор один. Сам Бурмистров только ухмылялся, зато жена его с вызывающим задором ответила матери:

– Да я не хуже тёти Клавды могу. Вот слушай:

Не любит разных оргий

Мой мужик – Георгий.

– Свят, свят, свят, прости господи дуру грешную – забормотала родительница и обиженно сузив губы, скрылась в избе.

Получилось, конечно, случайно, но она накаркала: пожарник скоро помер, а Клавдия Кузьминична превратилась из рьяной комсомолки, а, потом коммунистки, агитаторши и бузотёрки, в притихшую и рассудительную поборницу бога.

Более тридцати пяти лет после этого, вплоть до 1990-го года, до потери зрения, она заменяла священника (?), проводя молебны, отпевание покойников и службы на религиозные праздники (времена были безпоповские). Да ладно бы только соседка. Когда началась целинная эпопея, здоровье Георгия, не обременённого тяжелым физическим трудом, сильно пошатнулось. Казалось бы, красавец мужчина, молодой, энергичный... Трудно сказать, война ли тому причина, с тремя капитанскими ранениями, или наследственные болезни, но менее чем через полгода его не стало. Жизнь отмерила ему лишь 31 полный год...

Удар был страшен своей неожиданностью. Прожитые с мужем восемь лет, счастливо прожитые, промчались столь незаметно, что Мария Петровна растерянно думала: «Почему так скоро закончилась семейная жизнь? Зв что, за какие грехи прервалась идиллия?»

Сказки с добренькими концами в жизни реальной встречаются редко. Не стану следовать чарующим советам нимфы Мнемозины, а, по подсказке Клио опишу последующие события с максимальным приближением к действительности.

Стряхнув оцепенение первых часов, деловитая и бойкая библиотекарьша поспешила к соседу – председателю сельского совета, с предложением похоронить мужа в парке, где стоял единственный в деревне памятник, под которым были погребены известные волостные революционные деятели – жертвы коллективизации – Катя Цветкова и Александр Ле-

пилин. Франц Чермак, грешным делом, готовил это место для себя и, увиливая от прямого ответа, пообещал:

– Вопрос серьёзный, я не могу решить его в одиночку. Завтра соберём партийцев и взвешенно обсудим с товарищами...

Мария кинулась к своему начальнику – полковнику Градову. Тот заявил, что обеими руками за, но вопрос за пределами его компетенции, а вот на собрании коммунистов поддержит предложение вдовы.

Получилось так, что никакого внеочередного партийного собрания проводить не стали. Собрали партбюро местной ячейки. Демагог Чермак, узурпировавший власть у партийного секретаря, новичка – соглашателя, задымляя Марию Петровну папиросами «Казбек», которые не вынимал изо рта, нервно прикуривая новую от предыдущей, выпуская дым, отрывисто бросал с неискоренимым австрийским акцентом:

– Перед нами стоит серьёзнейший вопрос: член бюро, старейшая активистка, человек, о заслугах которого говорить присутствующим нет необходимости, Клавдия Кузьминична, назвать её товарищем не поворачивается язык, скатилась на религиозные позиции.

Присутствующие озадачились: вроде бы пришли решать другой вопрос, к чему он клонит?

Волостной глава продолжал:

– Будем поднимать вопрос перед бюро райкома об исклю-

чении из рядов...

Пузатенький добряк Пучков попытался напомнить:

– Товарищ Чермак, мы, кажется, о месте захоронения мужа Марии Петровны должны решать?

– Нет, товарищи, вижу, я, ничего вы не поняли. В данном случае вопрос несвоевременный. На нашу партийную организацию – одну из крупнейших в районе, легла тень позора. Не хватает только скандала с непродуманным захоронением...

Оскорбленная Мария покинула заседание, не обращая внимания на строгие окрики.

Дома её ждал новый удар – по-монашески одетые старушки, во главе с пока ещё формально членом партбюро Кузьминичной толпились у гроба. Непонятным образом возвращенная к богу соседка, читала по старой книге некий обряд, а бабушки заунывно ей подпевали.

Кузьминичну из рядов, как тогда говорили, погнали, но партбилет она не сдала, сказав, что сожгла его в печке. На бюро райкома её никто не видел – она заявила: «Нога моя дьявольский вертеп не переступит» ...

Мария Петровна схлопотала выговор за допущенный церковнообразный обряд отпевания, а на место пожарной вдовы, в члены местного бюро избрали нового агронома подсобного хозяйства Михаила Королёва.

На бумаге почти никогда не получается, как в жизни. Сколько ни старайся – краски бледнее, нюансы куда-то теря-

ются, а так хочется передать всю полноту и реальность происходящего...

Что же что получается, то и получается, продолжаю далее.

Время горьких потрясений для Марии, совпали со временем тектонических подвижек в жизни страны. Нарастал поток «политических»,

Выпущенных из ГУЛАГа, строился второй ракетный полигон, на сей раз в Кызыл-Ординской полупустыне, близ станции Тюра-Там. Советскому руководителю тех лет, председателю совета министров, грозила отставка (пока ещё не полная), а его заместитель Александр Малышев уже придумал как соединить ракетную технику с ядерной.

В конце июня 1955 года произошёл дурацкий случай: на крыльце библиотеки подрались два инвалида, причём довольно яростно. Как оказалось, они не поделили библиотекаршу, точнее даже не её, а право на попытку завладеть вниманием красивой вдовы. Сама она об этом не подозревала, а узнав, затомилась в женском одиночестве. Разумеется, перспективу связать жизнь с калекой, Мария не рассматривала всерьёз, но трудно спорить с природой в возрасте едва за тридцать.

Поспевали первые вишни. В саду подсобного хозяйства краснела клубника, наливалась соком и темнела с каждым днём чёрная смородина.

Рослый и широкогрудый полковник Градов с весёлой озабоченностью нанёс визит в библиотеку:

– Предлагаю вам Мария Петровна съездить в пойму Оки, ознакомиться, как идут дела с сенозаготовкой.

Мария, изумлённо и растерянно взирая на директора, неуверенно проговорила:

– В качестве кого я туда поеду?

– Считайте это партийным поручением. Как член бюро вы должны быть в курсе не только дел в библиотеке и клубе, а знать положение во всём нашем хлопотном хозяйстве. Заодно посмотрим на вотчину Генералова – знаменитого советского буржуя.

– Мы?

– Ну да, не пешком же топать до Дединовских лугов. Я отвезу, заодно в Оке искупаемся. В такую жару окунуться – святое дело.

Бывшая певунья засомневалась:

– Что Петя Кириллин подумает?

Петя, умница и весельчак был персональным водителем директора. Кроме «Победы», за ним закрепили приспособленный для перевозки людей «Студебеккер».

– Петя ничего не подумает – он занят перевозкой продуктов и людей. За руль сяду сам...

В конторе приокского колхоза имени Ленина, Градов вёл себя как младший партнёр председателя. Формально он командовал втрое большим количеством людей, но знаменитый на всю страну Фёдор Генералов, умел ненавязчиво и вежливо внушать к себе почтение.

Решив второстепенные вопросы., директор не повёз Марию Петровну на близлежащий луговой стан, А, показав диковинную для неё паромную переправу, направил автомобиль вдоль левого берега к пляжу за кустами, что чуть выше по течению Деудиновского острова...

За лето совершили три пляжных вояжа. Плодородная пойма приятно удивляла Марию Петровну жирным чернозёмом, тысячными стадами коров, несметным количеством гусей, ухоженными полями и весёлыми, простодушными людьми, считающими Деудиново пупом земли, и потому, никуда не стремящимися (в смысле сбежать из деревни). Библиотекарша не отказалась бы от более частых визитов на пляжный берег, но любвеизбыточный директор строго соблюдал график завоза своих многочисленных пассий. Он, не особо стеснясь, говорил:

– Должен же кто-то скрашивать женское одиночество...

Митька Ряжнов называл Градова уважительно-иронично «осеменатором» ...

Ближе к осени, на репетицию хора заявился молодой симпатичный инвалид высокого роста, с манерами явно не деревенского интеллигента. Звали его Володей Орловым, а инвалидом он являлся чисто номинальным. В реальности, этот недавний выходец из лагеря, осужденный по делу КМП (коммунистическая партия молодежи)) в 1948 году, лишился жилья в Москве (родственники, арестованные как ЧСИР, сгинули в голодном 1949-ом), но не обладая пробивными

способностями ми желанием работать (увы), оказался в доме инвалидов. Таких набирались десятки. Вскоре им начнут строить жильё, на зависть местным жителям, и, половину населения Перспективной улицы, а, также добрую треть Парковой составят выходцы из Дома инвалидов. Выражаясь армейским языком, из целой роты «вольноотпущенников», с жильём в придачу, на работу устроилось меньше отделения, а точнее – трое, из которых двое пошли по руководящей линии (зав. сапожной мастерской и шеф повар огромной столовой), а один (Митька Ряжнов), остался до смерти верен пролетарской должности дровокола. Остальные, В ТОМ ЧИСЛЕ И Володя Орлов, займутся паразитическим образом жизни, черпая у государства, вдруг ставшего добрым, всяческие блага, вплоть до получения автомобилей и бесплатного питания (калорийного и разнообразного). У приезжающих в Колычёво людей глаза на лоб лезли от небывальщины коммунизма местного разлива... Но я отвлёкся.

Володя внимательно наблюдал за потугами сбродного хора, в который записались в основном обормоты без слуха и голоса, да пяток женщин из дома инвалидов, не знающих чем заняться, около получаса, и пошел знакомиться с завклубом.

– Здравствуйте Мария э...

– Петровна.

– Замечательно. Вы такая юная... Позвольте узнать сколько вас вёсен? Слово лет в вам не подходит.

Боря Максимом, один из дравшихся на библиотечном крыльце, с иронией влез:

– Ей тридцать вторая осень предстоит...

Гордая библиотекарша, оглядев кандидата и не обнаружив явной инвалидности, кое-что скумекав, вежливо-нейтральным тоном пригласила его как-нибудь заглянуть в библиотеку, там, мол, и будет о чём поговорить.

– Неужели есть что-то новенькое, интересное?

– удивлённо спросил Володя, барабанив пальцами по сцене.

– Я вас в библиотеке никогда не видела. О каком новеньком можно говорить, если и старенькое не видели? Что касается новенького, то пришёл великолепный роман Леонова «Русский лес», книга огромная по объёму и захватывающая по содержанию...

Отношения завязались. А как же Градов? Никак. Зачем неглупой, солидной, по деревенским меркам, женщине, бесперспективная, в какой-то степени унижающая её связь? Дома, в откровенном разговоре с матерью, с долей самоиронии Мария произнесла:

– Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Мать, женщина тихая, но далеко не дура, горько вздохнула, отложив вязальные спицы:

– Эх Маня! По мне они оба, один – кот, другой – козёл – бесполезные в хозяйстве, от них одна вонь, а шерсти и мяса не дождёшься.

– Что ты мать так плохо отзываешься о людях. Володя, например – очень умный.

– Умный, но не рукастый – одним умом хату не построишь.

Седьмого ноября, оглядывая сотенные ряды деревенской демонстрации, Володя Орлов, идущий под руку с Марией, негромко продекламировал двустишие собственного сочинения:

Народ вокруг и гол, и нищ,

Но сколько красных полотниц!

Буквально через два дня, со службы вернулся бравый морячок, старшина первой статьи Толя Марков – корабельный механик-моторист, отличник боевой и политической подготовки, член партии. Он завистливо заглядывался на Марию ещё до службы, лет, пожалуй, с пятнадцати, но семилетняя разница в возрасте, не позволяла тогда думать о чём-то всерьёз, а вскоре она вышла замуж за Георгия. Сейчас ему исполнилось двадцать пять, а Марии должно было стукнуть тридцать два. На первых порах ничто, казалось бы, не предвещало их сближения: у библиотекарки с некоторой вялостью развивался роман с бывшим московским оппозиционером – неумехой, а экс морячок старательно охмурял юную Любу Яснову – двоюродную сестру Героя Советского Союза. Эту Любу прозвали за капризную спесь нищей барыней. Ровесники и приятели Толи старательно отговаривали его от попыток закрутить роман со вздорной и взбалмошной девицей – не создана та, дескать, для семьи. Дальнейшая жизнь по-

казала их правоту, а старшина первой статьи, получив три немотивированных скандала за неделю общения, охладел к «психической» подруге.

С Володей Орловым также не всё обстояло гладко: на него положила глаз здоровенная Аня – тоже пациентка Дома инвалидов, глядя на которую, никто не мог взять в толк, в чём заключается её инвалидность. Из двух тысяч человек, населяющих Колычёво (с социальным учреждением), лишь три мужика были выше неё, а по мощи сложения никто, кроме Тамары Калининой с ней сравниться не мог, причём юная могучая жена Саши Калинина, привезённая им с Азовского побережья, уступала в росте Ане почти на голову. Володя робел в её присутствии – мешал совершенно не уместный в данных обстоятельствах излишек интеллигентности, которую ему удалось сохранить до конца своих дней. Оба они посидели с сталинских лагерях, только Володя так и остался Укропом Помидоровичем, Анна же вышла после трехлетней отсидки форменной хабалкой...

Воскресным утром начала декабря, мать Марии заприметила идущего к чайной Толю и окликнула его. Чайная, вмещающая человек пятьдесят, а то и больше, располагалась напротив дома семьи библиотекаря. В конце шестидесятых годов 20 века эти питейные заведения, в которых пили отнюдь не чай (хотя и такое иногда случалось), повсеместно исчезли, а вместо них возникли удобные забегаловки и пивнушки.

Галантный, по деревенским меркам, морячок деликатно осведомился у старушки, что за дело у неё к нему. Та охотно объяснила:

Больные дрова доколоть не смогли, двенадцать сучковатых чурбаков одолеть не сумели. С сентября так и валяются. Ты уж, милоч, подсоби, а четвертинка за мной.

Толя глянул за угол дома: у сарая, хаотично разбросанные, мокли в смеси сырого снега с дворовой грязью истерзанные сучлявые обрубки. Он скептически оценил, что станет с его почти новой формой и обещал заглянуть после обеда.

Стоит пояснить, что практически у каждой семьи в деревне имелся приходящий помощник, а то и не один, из инвалидного контингента. За десятилетие после войны, поступили сотни умственно отсталых, или свихнувшихся умом. Их широко использовали как на подсобном хозяйстве, так и на личном подворье. Попадались среди них экземпляры, даже выдающиеся. Например: шахматисты, глядя на игру которых, отвисала челюсть от удивления, математики, музыканты, даже филологи-лингвисты. Настоящих работяг очень ценили, но их можно было перечислить по пальцам: агроном, пара конюхов, бывший лесоруб, здоровенный геолог и один свихнувшийся тракторист...

Толя явился через час, одетый соответствующим образом – выцветшие, пузырящиеся на коленях штаны, полудраный ватник и старые валенки с галошами. Он скептически огля-

дел колун с выщербленной и расшатанной ручкой, исчез на пару часов и вернулся со свеженасаженной новой.

Короток декабрьский день. Когда работа была завершена и начало смеркаться, трудяга морячок сидел в чём пришёл за накрытым столом, только что без ватника, а Мария распекала дочь-первоклассницу за стащенную из дома губную помаду, в дверь вежливо постучал и вошёл Володя Орлов. Он удивлённо посмотрел на неряшливо одетого дембеля, потом, вопросительно на Марию Петровну:

– Что тут делает молодой человек?

За неё неожиданно ответила мать:

– Он что надо делает, а вот ты что здесь делаешь – непонятно. Иди, милочка, в свою палату, не мешайся под ногами.

Уязвленный Володя заапеллировал:

– Мария Петровна, уймите мамашу, пока я дерзостей ей не наговорил.

– А ты кто такой, жердяй? – Толя влез в разговор, жуя груздь.

Восьмилетняя Люба, стоящая с матерью около грубовато сделанных полок с книгами, громко прошептала:

– Мам, они не подерутся?

– Вот ещё – ответила Мария уверенным тоном, хотя ничего, кроме растерянности не испытывала.

Толя Марков приподнялся из-за стола:

– Нет, малышка, драться никто не будет. Я его так за дверь выставлю.

Он спокойно подошел к оппоненту, оказавшемуся на целую голову выше него, ловко вывернул правую руку интеллигента и стал подталкивать его к выходу.

– Мария Петровна! Не позволяйте этому хаму изувечить! – Володя, с надеждой повернулся к библиотекарше, но был моментально выпихнут на улицу.

– Вот молодец паренёк, в таком бы зяте я души не чаяла – похвалила старуха.

Мария, с удивленной одобрительностью, молча и долго глядела на сноровистого молодого человека, а тот растерянно спросил:

– Каким словом обругал меня длинный инвалид? Я что-то не понял совсем.

Библиотекарша слегка улыбнулась:

– По-моему, слова изувечить нет в русском языке. Скорее всего, это производное от изувера.

– Ну гад, он ещё и к фашистам меня приравнял. Сейчас догоню его, хоть пинка дам.

– Не надо дядя Толя, – пискнула из угла Люба – пусть убеждает, а драться – нехорошо. Ты лучше поешь – вон сколько всего осталось...

Сообразительная бабуля засобиралась в гости к старшей дочери:

– Пойдём Любочка к тётке Клаве, пока ночь не настала, с сестрёнкой поиграешь.

– С Люськой не вожусь, а со Светой с удовольствием.

...После продолжительного, страстного поцелуя, Мария спросила, тяжело дыша:

– И как теперь быть?

– Там видно будет.

– Что значит видно будет? Ты, как моряк – вперёдсмотрящий, должен с курса не сбиваться.

– Я больше по трюмам – вздохнул Толя и полез под юбку, – главное, чтобы механизм в исправности был.

– Он у тебя в исправности?

– В полной, я об этом позабочусь, а уж курс ты сама направляй.

– А что, бывают женщины – капитаны?

– На гражданке бывают

Дома Толю изругали в пух и прах, за намерение жениться на вдове замдиректора, но он остался непреклонен, и переехал в начале февраля к Марии Петровне. Вскоре они расписались. Никакой широкой свадьбы не справляли. Метельным днём середины февраля собрали скромный стол для своих. Клавдия была на сносях, к тому же находилась в контракх с сестрой, поэтому семью Семёных представлял больной ногами Степан с дочерьми. Кроме младшей из сестёр – Ольги, пришедшей с мужем и сыном, присутствовали две соседки – дочь новоявленной боголюбки Кузьминичны, Галя и, единственная юная наследница председателя сельсовета Чермака – Римма...

В день закрытия 20 съезда КПСС, когда Никита Хрущёв

ошеломил мир сенсационным докладом о культуре личности Сталина, у Клавдии родился третий и последний её ребёнок – сын, названный в честь знаменитого лётчика Чкалова – Валерием.

Хрущёв незадолго до съезда избавился от главного политического соперника – Георгий Маленков лишился поста премьера, а его ближайшие соратники, хоть и не потеряли свои должности, но значительно утратили влияние. Кстати, доклад нового лидера СССР спровоцировал международный скандал в соцлагере: если большинство делегатов из дальнего и ближнего зарубежья разъехались по домам растерянными-изумлёнными, то Мао Цзэдун и Энвер Ходжа – разгневанными не на шутку. Отношение с Китаем и Албанией медленно, но неуклонно стали ухудшаться, а, спустя десятилетие и вовсе покатались под откос...

В марте 1956 года деревню всколыхнули четыре неординарных события: на закрытом партийном собрании обсудили умопомрачительный доклад съезду (Сталина тогда боготворили); семилетнему Генке Молоканову, будущему «Пирату Степановичу», лошадь, подкованным копытом выбила глаз; был снят с должности руководитель Дома инвалидов, а самым сенсационным, оказалась выписка из социального учреждения Володи Орлова и здоровячки Анны, с последующей женитьбой и предоставлением жилья.

Два последних случая непосредственно коснулись Марии Петровны. Как написано в её жалобе в МООСО, директор

вызвал её в кабинет, и пытался склонить к столу, уставленному винами и закусками, оглаживая при этом запретные части женского тела. Она склониться отказалась по причине радикулита и моральных принципов...

Полковник Градов исчез с деревенского горизонта, хотя, даже полвека спустя, его ещё вспоминали, причём, многие, добрыми словами. На его место, против всех правил, решением неизвестных лиц, заступил директор школы Виктор Васильевич Сарычев и занимал его до своей ранней смерти в течении последующих восемнадцати лет...

Женитьба Володи Орлова, казалось бы, никакого отношения к Марии Петровне не имела, но только на первый, поверхностный взгляд. От Георгия Бурмистрова осталось довольно много одежды и обуви. Частые поездки в Москву, наличие немалых сумм на руках, позволяли ему баловать обновками супругу, не забывая и о себе. Покойный был примерно одного роста с Володей и часть вещевого наследства ещё раньше перешла к нему. А тут произошёл полудиотский, полукомичный случай: явилась в дом библиотекарши, напоминающая фигурой молочную флягу под два метра ростом Анна, и с порога бухнула, без манерничия:

– Манька! Ты моему дураку вещички бы подкинула мужнины. Твой-то, новый, мелковат, хоть и крепок, ему ничего не подойдёт. Что ж нам теперь бедовать что ли? Одних кальсон не напасёшься...

Толя откровенно захохотал, а Мария Петровна, хоть и

прикрикнула сначала на нахалку, но многословное, глупое обоснование претендентки так её рассмешило, что она сложила в большой узел всё, кроме мундира, шинели и офицерских сапог. Узел оказался столь велик, что застрял в двери и пришлось его пропихивать совместными усилиями...

Толя с великим азартом, даже упоительной яростью впрягся в домашнее хозяйство. На работу он устроился трактористом – хотел сначала в МТС, но жена, держащая нос по ветру, посоветовала ему на подсобное хозяйство. Техники стало поступать много, сумасшедшему трактористу хоть и доверяли, но с оглядкой. К тому же, при всём желании, четыре трактора и кучу сельскохозяйственных агрегатов один человек обслуживать не в состоянии.

На радость тёще, Толя стал агитировать жену завести корову на подворье, и дожал-таки, пообещав не привлекать супругу к «скотской» работе. Полуофициально, с молчаливого согласия председателя сельсовета, прирезали полгектара лугового пустыря, и пошло с тех пор крепнуть хозяйство новооявленной семьи Марковых...

Привередливому, избалованному суперменскими приключениями, сляпанными под копирку, читателю, может показаться скучным отсутствие ярких страстей. О! Страсти в Колычёве были, да ещё какие: карнавальные – венецианские, флорентийские – коварные, с отравлениями, даже неаполитанские – с поножовщиной, удушениями и убийствами. Только это совсем другие истории, в которых целые семьи

уничтожали друг друга в течении десятилетий, а выживший последний, вдруг становился смиренным богомолем. Возможно, когда-нибудь руки дойдут и до них, а пока продолжаю:

Весной 1956 года, в период пахоты и посевной, Анатолий Марков столь отличился и так шустро разделался с полевыми работами, что председатели мелких колхозов умалили директора Сарычева выделить им в помощь тракториста-героя вместе с техникой. Одно время хотели было его двинуть по партийной, или руководящей линии, с последующей учёбой, да упёрся сам трудоголик, решивший остаться верным пролетарской профессии.

В конце второго квартала, по разнарядке, как лучшему социальному учреждению Московской области, в распоряжение Дома инвалидов пришла новая техника. Особую сенсацию вызвал новейший правительственный ЗИМ с тремя рядами сидений. Когда Петя Кириллин подогнал длиннющий лимузин к воротам, поглазеть на диковинку сбежалась половина деревни. Что интересно, «Победу», ещё1 довольно новую, тоже оставили в директорском гараже, на зависть районным руководителям.

Накладка произошла с гусеничным трактором ДТ-54. Порядком изношенный «Студебеккер» передали перспективному и рослому богатырю Серёже Фомину, члену партии и бывшему курсанту военного училища, решившему не испытывать судьбу на военном поприще. Новый водитель, сов-

местно с юным снабженцем-разгильдяем Васькой Лазаревым, которого иначе как Лазарь никто не величал, повезли с товарной станции злополучный трактор. Перегруз был велик, но не смертелен – грузоподъёмность машины не превышала пять тонн, а гусеничный монстр весил на пару тонн больше. Лазарю всегда выдавали наличные деньги, на всякий случай. Случаями он пользоваться умел, зачастую добывая нужнейшие дефицитные вещи, но и себя не обижал (не в смысле воровства, а в смысле пьянки). Воспаривший духом Васька купил, в эйфории, ящик водки, буханку чёрного хлеба, пачку соли, а себе на закуску – шоколадку.

По дороге выпили три бутылки и нарвали в чужом огороде лука, щедро заплатив рубль. Ещё до приезда долго спорили: где разгружать? Водитель здраво предлагал:

– Давай в Тимшинском карьере, в крайнем случае в овраге у пруда.

Но Лазаря уже одолело хмельное бесстрашие:

– Молчи, Серёга. Такой ас, как Толя Марков, в любом мест, как на летающем танке выпрыгнет.

Подъехали к пилораме. Костя Таракан, с двумя оболтусами готовили бревно к распиловке. Процесс, понятное дело, прекратился. Первым делом вытащили водочный ящик, потом отправили за Толей младшего из оболтусов.

Для начала выпили всю водку, до последней бутылки, уготив при этом разбитную Вальку Ботакову, живущую рядом с пилорамой. Толя тоже махнул для храбрости, хорошо, что

только стакан. Лазарь прилёг у эстакады на травку и тут же выключился, сморённый сном и алкоголем. Вусмерть пьяный Таракан, вместо двух лафетов на сто пятьдесят, судру подсунул под гусеницы пару пятидесяток трёхметровой длины. Толю, а заодно и трактор, спасла его сообразительность. Когда доски страшно затрещали, заглушая звук дизеля, он мгновенно дал газ до отказа, трактор врезался в землю под углом сорока пяти градусов, но так как гусеницы вращались, то крен начал выправляться, через пару секунд с грохотом рухнул передок с более чем метровой высоты. Тракторист, дважды ударяясь головой, на мгновение отключился, но быстро пришёл в себя и, преодолевая боль, остановил грозную технику. Купейного типа дверца отъехала в сторону и Толя Марков, с залитой кровью головой, неуверенно выбрался из кабины. Водитель и два оболтуса с ужасом смотрели на него. Таракан кинулся со страха в подвальный бункер для опилок, под пилорамой, а Валька, как чумовая, рванула за Марией Петровной.

Толя мстительно повесил замок на подвальную дверь и пошел к речке отмываться с помощью Сергея Фомина. Минут через десять, когда он с мокрыми волосами сидел в пьяной компании у эстакады, примчалась с сумасшедшими глазами Мария:

– Толя, ты живой?

– Всё хорошо Маша, я скоро приду.

Из-за тела Лазаря высунулась голова Таракана:

– Всё обошлось, мужики?

Здоровенный водитель «Студебеккера» захохотал:

– Истинный Таракан! Ну надо же, где угодно пролезет.

До начальства толком ничего не дошло. В итоге премировали Лазаря, Сергея Фомина и Толю. Таракан отделался порицанием, а два оболтуса при нём, ни в чём не виноватые, лишились квартальной премии.

Мчалось стремительное время. Ушли в прошлое и 22 съезд с его решением о выносе тела Сталина из Мавзолея, и кукурузная эпопея, и полёт Гагарина в космос, и отставка Хрущёва. В шестидесятых годах Анатолий отстроил на расширенном участке большущий, уступающий только директорскому, дом. Это по его инициативе и при его наставничестве стали привлекать подростков для подработки на лёгких тракторах весной, летом и ранней осенью. Подрастающий сын Сашка, не отрывался от рычагов и педалей. Старшая дочь Марии Петровны, классическая красавица Люба, в девятнадцать лет вышла замуж в город авиаторов Жуковский. Она долго не заводила детей, надеясь на некую мифическую карьеру, но не обладая, кроме красоты, какими-либо талантами, так и осталась рядовой конторской клеркиней, родив ребёнка после 30 лет, когда откладывать уже поздно. К ней поближе переберётся в начале семидесятых Коля Мастер, её двоюродный брат, ставший высококлассным токарем, а позже и родная сестра Коли – Наташа. Племянница Марии Петровны – Люся Сёмина переедет в Егорьевск, где

проработает до пенсии кондуктором. Другая дочь Клавдии, Света. Как и Коля Мастер останется бездетной, хотя даже в шестьдесят пять лет окружающие будут оценивать её красоту и фигуру. Валеру Сёмина, подающего большие надежды, совместными усилиями выучат в музыкальной и художественной школах, помогут окончить ВУЗ и будут проталкивать его по карьерной лестнице, но все испортят его пьянки и склонность к паразитической, облегчённой жизни...

Семья Марковых крепчала и богатела год от года. Сын Александр пошёл по стопам отца, и они вместе трудились, правда уже не на подсобном хозяйстве, а в в мастерских Егорьевской птицефабрики, в Михалях.

Началась злополучная Афганская война. Прошла скандальная олимпиада-80 в Москве. Сын удачно женился на юной сельсоветчице. Мария Петровна тсполнилась ещё большим довольством и важностью. Идиллия сломалась вдруг, без всяких к тому предпосылок. Шла чехарда смертей руководителей СССР. Сначала Брежнев, потом Антропов. Через четыре дня после кончины единственного еврея, стоявшего во главе страны, остановилось сердце Анатолия Маркова.

И этот удар Мария Петровна пережила не менее тяжело, чем смерть первого мужа. Вначале она держалась, внешне не показывая на людях своё горе, но стала чаще прикладываться к рюмке. На этой почве и возник третий муж. Ещё не добитая, но уже умирающая деревня той поры, состояла из

старух и алкоголиков. После майского указа дегенерата Горбачёва, с выпивкой стало сложно, а у Марии Петровны имелся замечательный самогонный аппарат, ещё со времён строительства дома. Она выставляла столик на улице и молодежь (исключительно ребята и мужики) потянулась на огонёк. Гоша, бестолковый и ленивый дембель, как-то июньским вечером остался у библиотекарши на ночь. Упитанный балбес, с постоянной бессмысленной улыбкой, был младше её ровно на сорок лет. От Марии Петровны отшатнулись соседи. Сын вообще перестал с ней знаться, а старшая дочь Люба, прикатившая в гости и обнаружив дома «семейную пару», с ироничным сарказмом спросила:

– Гошь, мне тебя что, папой теперь называть?

Потом народ смирился, все привыкли, и никто уже не удивлялся. Вскоре Мария Петровна бросила работу, посвятив себя неверному мужу. Конец? Ничего подобного, она пережила и этого непутёвого «мужа».

Когда Гошу похоронили, на поминки сползлись его приятели алкаши. Долго и глупо говорили о достоинствах покойного и его «вдовы», пока не разошлись по домам, за исключением Сашки «Богдана» и Вовки Соломина.

У пьяненькой старушки ёкнуло сердце, в предчувствии, что и на сей раз не останется одна, но едва она заикнулась об этом, как «Богдан» стал жаловаться на радикулит, а Вовка, с подозрительным усердием помог ему покинуть траурное застолье. Мария Петровна горько поглядела вслед. Тревожные

Сполохи зарниц вспыхивали в поздневечернем небе.

15.05.2021 г.